

НЕ ДОЛЖНОСТЬ, А ПРИЗВАНИЕ

ГОГИ КАВТАРАДЗЕ — ПЯТЬДЕСЯТ

Подумать только, нашему Гоги уже полвека! Боже, как быстротечно время!

Трудно объять необъятное. А жизнь Гоги Кавтарадзе в искусстве представляется мне поистине необъятной. Когда же он успел так много совершить? И как, какой меркой измерить его энергию, волю и вечное движение? А ведь так было всегда, с самого начала, с того момента, как попал он совсем еще мальчиком в театр имени Котэ Марджанишвили, где работал статистом, играл маленькие роли (лишь бы быть в деле, на сцене!), был помощником режиссера, забивал гвозди в декорации и познавал загадочный, чудесный мир этого истинно грузинского театра — детства великого режиссера. Здесь, в окружении блистательной плеяды марджановцев — актеров и режиссеров, открывал он для себя тайны профессии, и, вероятно, это общение сыграло решающую роль в его актерской и режиссерской судьбе.

Да, случилось так, что при рождении актера, актера «от Бога», Георгия Кавтарадзе, потянуло в режиссуру, и пришел он с этим своим решением в Театральный институт на режиссерский факультет. Учился хорошо и сразу стал заметной личностью в студенческой среде.

Но можно учиться и не выучиться, можно прослушать лекции и ничего не услышать, так же, впрочем, как можно писать стихи и не стать Поэтом.

Георгий Кавтарадзе стал Поэтом — Поэтом Театра. Судьба распорядилась счастливо, сведя своего избранника с такими режиссерами, как Васо Кушиташвили, Додо Алексидзе, Михаил Туманишвили, Гига Лорткипанидзе, щедро одаривших его даром профессии, которые ученик воспринимал выборочно, как говорится, с чувством, с толком, с расстановкой. Продуманность отбора позволяла ему, человеку эмоционально-

му и неординарному, глубоко осмысливать обретенное и творчески воплощать его в своем многообразном и тоже неординарном искусстве — актерском и режиссерском. Две эти ипостаси существовали в его работах в тесном, но весьма причудливом единстве. Причудливость проявлялась в том, что Кавтарадзе — актер и Кавтарадзе — режиссер не всегда «красовались» друг в друге, порой даже разнились друг от друга. Но именно это и создавало странность и необычность синтеза, хотя и вовсе не противоречило гармонии исходных позиций.

Когда-то Белинский сказал о Шепкине, что «он первый стал нетеатрален в театре». Парадоксальность этого определения очевидна, но в ее основе — ясность и точность мысли. «Нетеатральность» стала неотъемлемой частью актерской природы Гоги Кавтарадзе, и если продолжить парадокс, то можно сказать, что она, эта «нитеатральность», особенно выделялась на фоне откровенной театральности его спектаклей. Противоречий здесь не возникало, и два эти начала в бой между собой не вступали. Единство противоположностей было налицо и обеспечивало необходимую гармонию целого, несло в себе печать дерзкого поэтического своеобразия.

Актерский, психологический театр Георгия Кавтарадзе прочно вошел в жизнь, и всякий раз оставлял заметный след не только в биографии самого исполнителя, но и всего грузинского театра. В числе достижений этого театра прежде всего — герои, созданные на материале великопленной, театральной по своей природе прозе Нодара Думбадзе, шекспировский Шейлок, дон Сезар де Базан, горьковский Нил, герой пьес А. Чхaidзе, которых актер сыграл в избытке, Кикадзе, Котэ Марджанишвили в пьесе Г. Батиашвили «Четыре дня» и многие другие роли

— можно ли все перечислить, а тем более рассказать в короткой статье о каждой в отдельности, раскрыв их неповторимое обаяние, сценическую убедительность, душевность, юмор и мало ли что еще! А роли в кино! Здесь, в кинематографе, с которым поистине несовместимо малейшее отклонение от жизненной правды, актерская чуткость Гоги Кавтарадзе к этой правде всегда покоряла зрителя, а самому Гоги обеспечивала неизменный успех.

Ю б и л е и

Беспокойной и трудной оказалась деятельность Кавтарадзе на поприще режиссуры. Не по своей «вине» и воле менял он часто театры. Работал в театре имени Руставели, осуществил здесь свой дипломный спектакль по пьесам Р. Эбралидзе «Мы, его величество», «Дембургский набат» Р. Табукашвили, «Ромео и Джульетта». Во всех этих работах проявлялось его влечение к приподнятой, эмоциональной тональности. Затем стал главным режиссером (в свои-то 29 лет!) Батумского театра и снова обнаружил пристрастие к небудничным, отнюдь не «приземленным» сценическим средствам, что нашло отражение в таких спектаклях, как «Двенадцатая ночь» Шекспира, «Алуда Кетелаури» и «Гость и хозяин» Важа Пшавела («Гость и хозяин» он поставил еще в Театральном институте, и спектакль этот был особо отмечен на всесоюзном смотре студенческих работ в Москве), «Ревизор» Гоголя, «Заря Колхиды» К. Лордкипанидзе, «Заря в ущелье» П. Лория, «Время — 24 часа» В. Канделаки, упомянутой выше пьесы Г. Батиашвили и др. Один только перечень пьес говорит о продуманности репертуара — эта данность режиссера всегда будет давать о

себе знать и станет, пожалуй, решающей в его сценической деятельности.

Недолгий «батумский» период завершился переходом (точнее, переводом) Кавтарадзе в Кутаисский театр имени Л. Месхишвили. Сказано было так: надо спасать положение. Спасатель шел в новый коллектив с чувством трепета. Приходилось все начинать сначала. Как всегда (так его учили в институте), надежды связывались с репертуаром и, прежде всего, самобытным грузинским репертуаром. Он ставит (а может быть, и «открывает») почти все пьесы А. Чхaidзе, обращается к драматургии Д. Кдидашвили («Незгоды Дариспана» и «Счастье Ирины») и, объединив две пьесы в одну, предлагает новое прочтение этих шедевров грузинской национальной классики. Репертуар Кутаисского театра украсят его спектакли «Кориолан» Шекспира, «Измена» А. Сумбаташвили, «Долг» Г. Батиашвили, две пьесы М. Шатрова и др. Здесь, в Кутаиси, городе славных театральных традиций, обращается он к бессмертному творению грузинской классической прозы — «Деснице великого мастера» К. Гамсахурдиа.

Пройдет время, и он снова вернется к «Деснице», многое решит по-новому, «разворошит» ее глубинные пласты, найдет им адекватное масштабное сценическое решение, глубже почувствует вздыбленную поступь его героев, их трагический настрой и великую скорбь, нащупает в нюансах не только пронзительную громкость «верхов», но и благородную умеренность интонаций приглушенных. Но это уже случится в Сухуми, куда режиссер перешел (точнее, перевели) с насиженного места, из театра, который он любил, и уходило из которого не собирался. Как-то в разговоре со мной Гоги сказал, что считает самым плодотворным периодом своей деятельности работу в Кутаи-

си. Тогда не знал еще режиссер (не мог знать!), что пройдет время, и он сможет не только изменить сложившееся в нем убеждение, но и адресовать те же слова к своему сухумскому периоду. Здесь, на поприще Сухумского грузинского театра, носящего имя Константина Гамсахурдиа, созрел он окончательно и как художник широкого масштаба, и как широкого масштаба гражданин, что полностью подтвердили недавние гастроли театра в Тбилиси. Расширился диапазон его мышления, преобразилось поэтическое сознание, обогатилась эстетика, наметилось взаимопроникновение различных граней и сторон сценической образности, отчетливее выявились духовное напряжение автора спектаклей и смелость, неординарность попыток прочтения старых классических пьес («Чайка», «На дне»), а главное (да, пожалуй, сегодня это главное), на передний план выступила гражданственность его позиции в сложных жизненных ситуациях, требующих принципиальности и разума, а главное, сознания долга перед своим народом и его будущим.

Имя Гоги Кавтарадзе широко известно в нашей стране и за ее пределами. Снимался в кино, ездил со своим театром на гастроли, ставил спектакли далеко за пределами Родины (в Болгарии, Словакии). В Словакии, например, его называют «словацким грузином». Я, кажется, что-то «не то» сказала? Неровен час, окажешься обвиненной в самых тяжких грехах, теперь, увы, от этого никто не застрахован... Впрочем, страха я не испытываю — лишь бы не досталось «словацкому грузину». А если и достанется, я смогу за него постоять, чего не скажешь о нем самом...

Но хочется закончить статью на оптимистической ноте. Гоги Кавтарадзе — талантливый человек, всегда ищущий, неуспокоенный, смело идущий вперед. И, конечно же, перспективный.

Думаю, что это слово вполне уместно в его пятьдесят лет.

Этери ГУГУШВИЛИ.